

Алиева Малика Алыбековна
ОИӨК “Кыргызстан эл аралык университети”
Алиева Малика Алыбековна
УНПК “Международный Университет Кыргызстана”
Alieva Malika Alybekovna
ERPC “International University of Kyrgyzstan”
Тел: +996555010502
e-mail: raminaalieva2605@gmail.com

ФОНЕТИКА ЖАНА ФОНОЛОГИЯ БӨЛҮКТӨРҮ: ТАРЫХ ЖАНА ТАЛДЫК

ЕДИНИЦЫ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ: ИСТОРИЯ И АНАЛИЗ

PHONETICS AND PHONOLOGY UNITS: HISTORY AND ANALYSIS

Аннотациясы: Тил илиминдеги негизги фонологиялык теориялар, ошондой эле фонология боюнча тандалган чыгармалардан тилдин тыбыштык материясына түздөн-түз байланышкан материалдар каралат. Макаланын максаты - тил илиминде бар фонема түшүнүктөрүн жалпы кабыл алынган ыкмалардын чегинде талдоо. Изилдөө методикасы фонеманын лингвистикалык сүрөттөмөсүн, типологиялык методиканы жана фонеманы изилдөөнүн ыкмаларын салыштырмалуу талдоону камтыйт. Салыштырмалуу мүнөздөгү маселелерди чечүү, бир жагынан, теориялык позицияларды практика жүзүндө колдонуу көндүмдөрүн, экинчи жагынан, фонема теорияларын тутумдаштыруу көндүмдөрүн калыптандыруу үчүн маанилүү. Макалада автор фонологиялык ыкмалардын тилдеги фонемалардын курамын аныктоо жана фонемаларды үн менен идентификациялабоо принциби боюнча гана эмес, ошондой эле коммуникативдик процессте фонеманын функцияларын ар кандай чечмелөө менен айырмалангандыгын көрсөткөн эмпирикалык материалды изилдейт.

Негизги сөздөр: фонема, фонема теориясы, фонологиялык ыкма, фонетикалык бирдик, үн, фонетика жана фонология, талдоо, тарых.

Аннотация: Рассматриваются основные фонологические теории в лингвистике, а также материалы избранных работ по фонологии, имеющие непосредственное отношение к звуковой материи языка. Целью статьи является анализ существующих в лингвистике концепций фонемы в рамках общепринятых подходов. Методика исследования включает лингвистическое описание фонемы, типологический метод и сопоставительный анализ подходов к изучению фонемы. Решение проблем сопоставительного характера, с одной стороны, важно для формирования навыков практического применения теоретических положений, а также навыков систематизирования теорий фонемы, с другой. В статье автор исследует эмпирический материал, который свидетельствует, что фонологические подходы отличаются не только по принципу определения состава фонем в языке и отождествлению или не отождествлению фонемы со звуком, но и разным толкованием функций фонемы в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: фонема, теория фонемы, фонологический подход, фонетическая единица, звук, фонетика и фонология, анализ, история.

Abstract: The article considers the main phonological theories in linguistics as well as the materials of selected works on phonology, which are directly related to the sound matter of the language. The purpose of the article is to analyze the concepts of the phoneme in linguistics in the framework of generally accepted approaches. The study methodology includes a linguistic description of the phoneme, a typological method and a comparative analysis of approaches to the study of the phoneme. Solving problems of a

comparative nature, on the one hand, is important for the formation of skills in the practical application of theoretical provisions, as well as skills in systematizing phoneme theories, on the other. The author explores empirical material that indicates that phonological approaches differ not only in the principle of determining the composition of phonemes in the language and the identification or identification of the phoneme with sound, but also in the different interpretation of the functions of the phoneme in the communicative process.

Key words: *phoneme, phoneme theory, phonological approach, phonetic unit, sound, phonetics and phonology, analysis, history.*

Повышение интереса к синхроническому изучению природы звуков обусловлено параллельным развитием фонологии и фонетики. Во времена своего классического развития данные науки рассматривались либо как отдельно существующие дисциплины, либо объединялись в одно единое начало, что и предопределяло отсутствие четких подходов к определению лингвистического статуса фонемы. Изучение звуковой стороны языка вошло в общую систему описания языка только с появлением понятия фонемы. Факт существования на сегодняшний день целого ряда фонологических школ является свидетельством того, что фонема – это сложная сущность и требует более строгого анализа и систематизации знаний. С именем Ян Игнация И.А. Бодуэна де Куртенэ, представителя польской ветви старинного французского рода и основателя Казанской Лингвистической школы связан менталистический или психологический подход, рассматривающий фонему как идеальный «ментальный образ», мишень, на которую говорящий ориентируется. Бодуэн де Куртенэ заложил фундаментальные принципы фонемы, опередив западных лингвистов почти на 40 лет, неслучайно его называют «восточноевропейским Соссюром» [16].

В первый период своего творчества, условно называемый морфологическим, Бодуэн де Куртенэ исследовал фонемы согласно их функциям в морфемах. Согласно его утверждениям фонемы служат для идентификации морфем. На основе его учения о фонеме как подвижного элемента морфемы возникла Московская фонологическая школа. С теорией фонемы связана его теория чередований звуков или фонетических альтернатив. Бодуэн де Куртенэ подчёркивает, что морфема состоит не из звуков, а из фонем, при этом он выделяет разно-

плановые фонетические единицы – «когеренты и дивергенты, с одной стороны, коррелятивы и корреспонденты, с другой» [9]. Когеренты образуются в результате комбинационной зависимости звуков друг от друга. Например: когеренты [б-б'], [ы-и] в сочетаниях был – бил. Дивергенты – однородные по происхождению звуки, подвергающиеся комбинационным изменениям, т. е. это варианты одного и того же звука. Например: дивергенты [т, д], [о, ъ] в сочетаниях лодка – лодочка, год – года – годовой. Когеренты и дивергенты представляют собой фонетические чередования. Коррелятивы – звуки, различные на данном этапе развития языка, но имеющие одно происхождение. Например: исторические чередования звуков [г/ж] бегу – бежать, [к/ч] теку – течь. Корреспонденты – однородные по происхождению звуки, сопоставляемые в области нескольких родственных языков. Например: [p] и [f] в лат. pater и англ. father.

Именно для анализа коррелятивов и корреспондентов, т. е. для исторических чередований, Б. де Куртенэ использует термин фонема, определяя ее как «сумму обобщенных антропфонических свойств известной фонетической части слова, неделимую при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентских связей в области нескольких языков» [11]. Бодуэн де Куртенэ полагал, что все чередующиеся звуки в определенной позиции в одной и той же смысловой единице обладают способностью объединяться в нашем сознании в общее целое и создавать идеальный портрет. Однако его сложно уловить из-за влияния соседних звуков или так называемого фонетического окружения, также представляется невозможным добиться идентичной редупликации того же самого звука, т. е. воспроизведения идеальных звуков. В силу

этого менталистический подход считается идеалистическим [12]. В психологический период своей деятельности Бодуэн де Куртенэ пересматривает свои теоретические взгляды. В работе «Фонема» от 1899 г. он определяет данный феномен как «психический эквивалент звуков языка» и пытается объяснить, почему акустически и артикуляционно разные звуки объединяются психикой носителей языка в одну фонему [1].

Другими словами, звук представляет собой физиологическо-акустическое проявление, физический признак, осуществление фонемы, в свою очередь, фонема, так же как и язык в целом, является психологическо-социальным явлением. Опираясь на научное понимание звука как преходящего явления, а фонемы – не преходящего и постоянно существующего в психике индивида явления, Бодуэн де Куртенэ считает возможным разложить фонему на произносительные элементы («кинемы»), слуховые элементы («акусмы») и соединенное представление кинемы и акусмы («кинакемы») [2].

Функциональный подход рассматривает фонему как минимальную или кратчайшую единицу языка, реализующуюся в звуках речи. Пражская школа, которую основал Н.С. Трубецкой в конце 1920-х годов, анализировала фонему как набор абстрактных различительных свойств или оппозиций между звуками, например, звонкость или назальность. Яркие представители Пражской школы, одного из основных направлений структурной лингвистики, – это Н.С. Трубецкой, Р. Якобсон, В. Матезиус, О. Карцевский и другие. Один из центров мировой науки о языке, ПФШ принципиально разграничивала фонетику и фонологию. Н.С. Трубецкой отмечал: «фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению или наука о финансах к нумизматике», таким образом под фонетикой понималась наука о звуках речи в их физическом воплощении, под фонологией наука о звуках языка и функциональной стороне звуковых явлений [13]. Восприняв у И.А. Бодуэна де Куртенэ понятие фонемы как «минимальной звуковой единицы языка», Н.С. Трубецкой, наряду с Н.Ф. Яковлевым, очистил этот феномен от психоло-

гической трактовки, выдвинув на первый план собственно лингвистические функции фонем, прежде всего их использование для смысло-различения. Из чего следует, что основополагающей характеристикой фонемы считалась способность различать смысл слов. Совместно с Р. Якобсоном он разработал инструмент, необходимый для описания фонем, а именно: а) типологию фонологических оппозиций; б) типологию дифференциальных признаков. Дифференциальным признаком может быть любая акустико-артикуляторная характеристика звука, служащая противопоставлению хотя бы двух фонологических единиц, причем дифференциальный признак важен с точки зрения смысло-различения.

Итак, основной смысл концепции Н.С. Трубецкого заключается в утверждении того, что «фонема – это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [13]. Можно отметить, что фонема [t] в английском языке – это сочетание дифференциальных признаков глухости/звонкости (ten/den), переднеязычности/заднеязычности (tan/can), мягкости/твердости (tune/moon), взрывности/отсутствию взрывности (tick/sick). Звуковые оппозиции, способные дифференцировать значения двух слов данного языка, Н.С. Трубецкой называет фонологическими оппозициями (они же фонологически дистинктивные, или смысло-различительные оппозиции). Выстраивая многоуровневую классификацию оппозиций, Н.С. Трубецкой выделяет два критерия. По отношению между членами оппозиции могут быть привативными, градуальными и эквиолентными. В привативных оппозициях один член характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака, например: звонкий/незвонкий. Соответственно, члены оппозиции оказываются маркированными или немаркированными. В градуальных/ступенчатых оппозициях члены характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака, например: различия по ступеням высоты резонаторного тона у гласных. К примеру, в каждом языке самой низкой гласной считается [y], самой высокой гласной [и], все остальные гласные располагаются между ними. Эквиолентные/

равнозначные члены оппозиции являются логически равными. По объему смысловозначительной силы оппозиции могут быть постоянными и нейтрализуемыми.

В постоянных оппозициях две фонемы различаются во всех положениях. В нейтрализуемых оппозициях фонологические противопоставления нейтрализуются, т. е. снимаются. В позиции нейтрализации реализуется «архифонема»/ «надъединица», представляющая собой сумму различительных признаков, общих для двух фонем [9]. К примеру, в английском слове *Dad* начальный и конечный согласный [d] функционально различны. В начальной позиции [d] находится в позиции максимального различения, [d] в финальной позиции частично оглушается, т. е. признак глухостизвонкости нейтрализуется. Фонема [d] в слабой финальной позиции и есть архифонема, объединяющая черты [d] и [t]. Представители Пражской школы структурализма рассматривали фонему как абстракцию, которую нельзя услышать или произнести, ибо в каждом конкретном акте речи мы имеем дело только с одним из ее вариантов. Определение фонемы как «суммы фонологически существенных признаков звука» в какой-то степени соотносится с дефиницией фонемы, предложенной в тот же период времени основателями Американской фонологической школы Л. Блумфилдом и Э. Сапиром, «как минимальной смысловозначительной единицы» [3]. Развитие американской фонологии предполагает три этапа, – это дистрибутивный подход Л. Блумфилда и его последователей З. Харриса, Ч. Хоккета, Б. Блока в 30–50-е годы XX века, генеративная фонология Н. Хомского и М. Халле в 60–70-е годы и нелинейная фонология, представляющая современное направление с начала 80-х годов XX века [6].

Именно в рамках данной школы нашло решение проблема сегментирования, т. е. разложения текста на элементарные единицы, что привело к выделению фонем и морфем. Дистрибутивный анализ, разработанный американскими дескриптивистами, являлся эффективным способом установления фонем языка. Основными принципами дистрибутивного анализа являются сегментация – установление элементов, из которых складывается высказы-

вание и идентификация выделенных элементов (единиц) текста – выявление того, какие из них являются вариантами (аллофонами) одной и той же фонемы и какие – разными фонемами.

Выделяются три этапа дистрибуции единиц текста: 1) дополнительная дистрибуция. Единицы текста не встречаются в одинаковых окружениях или позициях. Например: *сядет – посадит – посадка* (в каждом последующем случае гласный [a] становится более закрытым в зависимости от соседства с мягким или твердым согласным); 2) контрастная дистрибуция. Единицы текста находятся в одинаковых окружениях, различая значения. Например: *том – там, том – дом – лом – ком*. Примеры единиц текста, находящихся в отношении контрастной дистрибуции, наиболее частотны; 3) свободное чередование. Единицы текста встречаются в одинаковых окружениях, не различая значений. В таких случаях они являются вариантами одной и той же единицы языка (фонемы). Такие примеры немногочисленны: *шкаф – шкап*. Значение идентичное.

Следует отметить, что американские лингвисты, также как и члены ПФШ, преувеличивали функциональный аспект фонемы, отдавая приоритет различительной функции фонемы. Родоначальник данной школы Л. Блумфилд интересуется звуками постольку, поскольку они различают значения. И с этим можно согласиться, так как во всех языках существуют фонологически значимые звуки речи или значимые звуковые вариации, которые могут влиять на значение слов [3]. Например, если заменить в слове *map* первый звук на [p], получится слово *rap*. Можно получить целое многообразие новых слов, заменив первый звук: *fan, ran, ban, tan, gan* и т. д. Можно поменять гласную в корне слова и тогда получим: *teap, toap, men, mine, moon*. Поменяем последний согласный и получим еще один минимальный set: *map, mat, mad, mar, max*. Отсюда можно сделать вывод, что дистрибутивными признаками слова *map* являются три неделимых далее единицы, каждая из них является «минимальной единицей различительного фонетического признака, или фонемой» [3].

Данные примеры идеальны с точки зрения смысловозначительной функции фонемы, но

каков тогда лингвистический статус фонемы и звука как такового? Для представителей американского структурализма характерно понимание фонемы как дистинктивного функционирующего звука, в отношении оппозиции с ними рассматриваются недистинктивные звуки, различие между ними основано на значении. Замена дистинктивного звука влияет на значение слова или фразы, в то время как замена недистинктивных звуков не может влиять на значение. Например, в английском слове *bidder* все согласные звонкие, однако только [d] является дистинктивным, поскольку его замена повлияет на значение слова: *bitter*. Звуки [b], [g] – недистинктивные, их замена несущественна, поскольку не приводит к образованию новых слов с новыми значениями.

Таким образом, американские лингвисты понимают фонемы как звуки, дифференцирующие значение, т. е. как некие материально-субстантивные сущности, непосредственно связанные со значением. Они одновременно признают существование недистинктивных звуков, не выполняющих функций семантического различения. Определение фонемы как значимого звука делает их концепцию противоречивой, так как оставляя за фонемой статус звука, дифференцирующего значение, американские структуралисты признают существование аллофонического варьирования, поскольку звук не может одновременно реализовываться в других звуках. Внешняя уязвимость вышеизложенной теории фонемы в том, что дистинктивная функция присваивается не фонеме, а звуку. В данной статье мы представляем очевидность того факта, что функция различения значимых элементов языка принадлежит фонеме. Звук и фонема выполняют разные задачи в языке и различаются между собой не только функциональной целенаправленностью, но и материально-субстантивной выраженностью. Физический подход представлен Лондонской фонологической школой. Теория фонемы обосновалась в Англии в 1920 г. благодаря деятельности Даниэля Джоунза, автора Английского фонетического словаря, а затем и его последователей, прежде всего Бернарда Блоха и Джона Руперта Фёрса. Занимаясь описанием звукового состава европейских, ряда

африканских и индийских языков, Д. Джоунз отдавал приоритет проблемам английской орфографии и фонетической транскрипции, что было бы невозможно без обращения к теории фонемы. Д. Джоунз считает фонему механической суммой её аллофонов и определяет её как семью родственных звуков, преувеличивая тем самым материальный аспект фонемы. Он считает, что «фонема – это объединение звуков данного языка, которые взаимосвязаны по характеру и используются таким образом, что ни один звук никогда не находится в слове в том же фонетическом окружении, что и другой» [8]. Согласно концепции Д. Джоунза фонема делится на атомы, а различные свойства фонемы рассматриваются как независимые явления. Термин фонема ограничивается только сегментными единицами, при этом, казалось бы, тесно связанные просодические явления голосового тона, ударения, долготы гласных рассматриваются отдельно, для их обозначения Джоунз использует такие термины, как «тоне-мы» «стронемы», «хронемы» [8]. Экстремальная форма физической концепции, а именно: «фонема – класс звуков или механическая сумма её аллофонов» – лейтмотив его теории фонемы [4]. Если следовать этому положению, неизбежен вывод о том, что фонемы идентифицируются на основе чисто фонетического сходства звуков.

Попробуем опровергнуть данную теорию, рассмотрев следующие параллели модификаций фонемы [d] и соответственные артикуляторные различия.

- [d] произносится без взрыва перед другим взрывным согласным: *good dog, bad pain, bedtime*;
- [d] произносится без носового взрыва перед носовыми сонорными [n]/[m]: *could meet, admit, couldn't, sudden*;
- [d] произносится с латеральным взрывом перед латеральным сонорным [l]: *bad light, badly, middle*;
- [d] становится зубным, когда за ним следует межзубный [θ, ð]: *good thing, lead the way, breadth*;
- [d] становится огубленным, когда за ним следует губной [w]: *dwindle, dwarf, dweller* [12].

Из приведенных выше примеров видно, что

реализации фонемы [d] не совпадают между собой: [dl] не совпадает [dw], а [dn] не совпадает с [dθ], скорее можно подобрать звуки антропофонически более сходные с каждой параллелью, таким образом, фонема не может являться «механической суммой её аллофонов». В качестве главной функции фонемы рассматривается дифференциальная функция, поскольку в процессе выявления фонемной принадлежности звуков Д. Джоунзом подбираются минимальные пары слов, значение которых дифференцируется благодаря различию двух звуков. Джоунз говорит о дистинктивной функции звуков, которая определяется говорящим. Правда, идентификация фонем – дело носителя языка. Но у Джоунза есть высказывание прямо противоположного характера. Он считает, что фонематическая значимость звука может быть также установлена не на основе лингвистического анализа или интуитивно, а с помощью аппаратуры. Так, английские слова puts [puts], drinks [driRnks], boxes [boksiz], baths [ba:ðz] произносятся с разным окончанием. Различие между звуками в этом случае несущественно. Поэтому фонемная идентификация зависит в данном слове не от того, как ее определяет носитель языка, а от того, как ее определяет аппаратура [15]. В ряде случаев Джоунз отрицает функциональную значимость некоторых фонем, не имеющих бинары, и это еще одно неточное высказывание, так как нельзя отрицать функциональности таких фонем как [n] и [ŋ] или [ŋ] и [z] в английском языке только на основании того, что они не коррелируют на уровне бинарных оппозиций. Предположим, фонемы [k] и [p] не вступают в бинарные отношения, однако они несут важную информацию, т. е. смысловую нагрузку и важны для определения значений морфем и слов. Например: I didn't say take it – I said tape it! Выдвигая тезис о функциональности фонемы как противопоставления звуков в бинаре, Джоунз приписывает роль семантического дифференциатора звуку, а не фонеме. Это утверждение основано на той ложной посылке, что звук непосредственно может выполнять лингвистическую функцию (смыслоразличительную, словоразличительную или конститутивную), на самом деле эти функции выполняет фонема.

Таким образом, ошибочные утверждения у Д. Джоунза возникают из-за того, что понятия звука и фонемы у него не расчленены [4]. Абстрактный подход применяется в нетрадиционной лингвистике и рассматривает фонемы как сущности абсолютно независимые от акустических и физиологических свойств, т. е. речевых звуков. В 1931 был основан Копенгагенский лингвистический кружок во главе с Луи Ельмслевым и Вигго Брэндалем. Сторонниками этого направления являются Отто Есперсен, Йорген Ульдалль, Кнуд Тогебю и др. Их теория известна как глоссематика (glossematics от греч. glossa/язык + sema/знак) или структурализм. Их подход считается метаматематическим, так как они рассматривают фонему в математических пропорциях и сравнивают язык с системой знаков. Свою задачу глоссематики видят в анализе текста, что позволяет извлечь систему. План выражения и план содержания членятся на дробные единицы вплоть до мельчайших компонентов. Минимальной единицей плана выражения является фонема, Л. Ельмслев называет ее «таксемой выражения». В плане содержания неразложимой далее единицей является понятие «фигуры». Фигуры выступают как некоторые элементарные смыслы (семантические множители), комбинация которых придает значение знаку. Например, знак «мальчик» можно разложить на фигуры {человеческое существо} + {молодой} + {мужской пол}, изменение последней фигуры дает знак «девочка». Глоссематики функцию понимают как зависимость, отметим, что такая терминология принята в математике, соответственно фигуры, фонемы и другие единицы текста вступают в различные отношения – зависимости. В любом языке число фонем – «таксем выражения» не превышает 70–80, а число «фигур» не намного больше. Л. Ельмслев утверждает: «Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи» [7]. Если Ф. де Соссюр сравнивал язык с шахматной игрой, Л. Ельмслев проводит аналогию между языком и схемой. Отсюда следует часто повторявшееся им утверждение, согласно

которому звуковая субстанция человеческого языка может быть заменена любой другой. «Кто бы ни пользовался... языком – глухонемые с помощью жестов, моряки с помощью флажков, телеграфист с помощью азбуки Морзе или просто люди с помощью обычной речи, – с указанной точки зрения этот язык остается самим собой. Отсюда же стремление анализировать такие структуры, как световые сигналы для регулирования движения, бой часов, отбивающих часы и четверти, стуковая азбука заключенных и т. п. ...Было бы чрезвычайно интересно изучить именно такие структуры с помощью чисто лингвистического метода первым долгом потому, что такие структуры дали бы нам простые образчики модели, показывающие элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитой структуры обыкновенных языков» [10]. Большинство лингвистов оценивало абстрактный подход критически, поскольку «алгебраический» подход к языку приводил представителей глоссематики к представлению о лингвистике как чистой игре по определенным правилам, никак ни связанной с исследованием языковой реальности [16]. Французский ученый А. Мартине прибегнул к следующей аллегории, определив глоссематику как «башню из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости» [5]. Преимущества данного подхода – это, безусловно, математическая последовательность, логичность и четкая структурированность. Однако отсутствие практической ценности и ущербность лингвистического анализа делает эту концепцию уязвимой, на деле абстрактный подход так и остается абстрактно абсурдным и далеким от лингвистической реальности подходом.

Материалистический подход, предложенный Львом Щербой, один из немногих имеет практическое применение. Русский лингвист Л.В. Щерба вошел в историю лингвистики, прежде всего, как выдающийся специалист по фонологии и фонетике. Будучи учеником Бодуэна де Куртенэ, он развил концепцию фонемы и разработал оригинальную Ленинградскую фонологическую концепцию. Полемика Ленинградской фонологической школы с Московской

ФШ – яркий эпизод в истории отечественной фонологии. Отказываясь от свойственного де Куртенэ и другим психологического подхода к языку, Л.В. Щерба в то же время ставил вопрос о речевой деятельности говорящего, позволяющей ему производить ранее никогда им не слыханные высказывания; здесь он предвосхитил некоторые идеи лингвистики второй половины XX века [9]. Согласно Щербе, звуки необходимо изучать не только с акустической точки зрения, но как звуки, способные различать одно слово языка от других слов того же языка. Звуки выполняют коммуникативную функцию в речи. Фонема реализуется в речи в конкретных звуковых комбинациях, которые Щерба называет аллофонами. В представлении Щербы и его сторонников (Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, А.Н. Гвоздев, М.В. Гордина) фонема – это автономная, независимая от морфемы, звуковая единица, звуковой тип, в котором по принципу акустической близости объединяются различные произносительные оттенки или обязательные аллофоны. Подобные фонемические варианты очень значимы, поскольку они могут образовывать новые фонемы. Основной принцип подхода ЛФШ к единицам звукового уровня – стремление связать лингвистическую природу фонемы с ее ролью в речевой деятельности. Фонема существует в речи всех членов общества независимо от желания индивида, так как это продукт исторического развития данного общества, т. е. это социальное явление. Представители ЛФШ в качестве основной функции фонемы выдвигают её способность составлять слова и словосочетания, называя эту функцию составляющей/конституирующей. При этом они не отрицают её дистинктивную роль, фонемы помогают различать значения морфем и слов. Например: I hit [hit] them. I hate [heit] them.

Другая главная задача фонемы, с их точки зрения, участвовать в процессе опознания звуковой оболочки слова, а именно: в создании звукового облика значащих единиц с позиции слушающего. Лингвисты указывают на независимость фонемы от морфемы, в силу того что носитель языка способен записывать буквами слова, которые ему не известны. Это свидетель-

ствуует, по их мнению, в пользу независимости фонологического уровня от морфологического как одного из уровней языка [4]. Любая фонемная теория прежде всего должна ответить на два вопроса: как определить, какую фонему представляет данный звук? Как определяется

состав фонем в языке? Теория фонем, созданная Л.В. Щербой, на два вышеуказанных вопроса отвечает следующим образом: 1) в одну фонему объединяются звуки, похожие друг на друга (акустически и артикуляционно), составляющие один тип; 2) количество, состав фонем в языке определяются по позиции наибольшего различия. Представители данного фонологического направления не дифференцируют сильные и слабые позиции в слове. С опознавательной точки зрения, они одинаковы, они отличаются друг от друга лишь по степени различительных возможностей фонемы. В предупредительной части слова фонема однозначно определяется, в ударной части слова фонема распознается не совсем полно и четко. В отличие от представителей ПФШ лингвисты данной школы не признают архифонем или нейтрализуемых оппозиций, существуют лишь ограничения на использование определенного класса фонем, например, в конце слова не

используются звонкие шумные согласные, вследствие чего происходит чередование фонем. Например: сады [сады] – сад [сат]. В английском языке тоже существует жесткий ряд ограничений на использование фонем в слоге, необязательно связанный с чередованием. Например, согласно Британской орфоэпической норме в начале слога [ɹ] никогда не встречается, а носовые не сочетаются с взрывными. В конце слога не встречаются [h, j, w], а язычные [t, d, θ] не сочетаются с [l] в начале слога [14].

Итак, как показал анализ, история фонологии включает в себя теории фонемы, сформировавшиеся в контексте языкознания XX века, и в разных фонологических школах лингвистический статус фонемы имеет разное толкование. Работы одного из самых влиятельных лингвистов России конца XIX – начала XX в. И.А. Бодуэна де Куртенэ носили глубоко новаторский характер и стали своего рода колыбелью фонологических теорий, получив отражение в трудах его многочисленных последователей.

Де Куртенэ построил первую в мировой науке о языке теорию фонемы, его морфологический и психологический подходы брали на вооружение, дополняли и пересматривали.

Теория фонетических альтернатив, научное понимание звука как преходящего явления, отличающегося от фонемы, заложили фундаментальные принципы фонологии. Функциональный подход объединяет представителей ПФШ и американских лингвистов, которые преувеличивают функциональный аспект фонемы, выдвигая на первый план способность фонемы различать смысл слов, только если пражские структуралисты анализируют фонему через звуковые оппозиции (недифференциальный / дифференциальный или важный с точки зрения смысловозначения признак), то американские структуралисты выделяют теорию оппозиций дистинктивных и недистинктивных функционирующих звуков. Замена дистинктивного звука в отличие от недистинктивного влияет на значение слова. Несмотря на внешнее сходство оппозиций можно отметить, что пражские структуралисты, по крайней мере, не отождествляют фонему со звуком. Еще раз отметим, фонема не может являться значимым звуком, она «обобщает конкретные звуки, являясь мельчайшей смысловой единицей» [14]! Подходы Л.В. Щербы и Д. Джоунза можно противопоставить по принципу связи между природой фонемы и ее роли в речевой деятельности. Если у Л. Щербы фонема, выступая в качестве звуковой единицы, есть социальное явление и существует в речи всех членов общества независимо от желания индивида, выполняя коммуникативную роль, то в центре теории Д. Джоунза приоритет отводится изучению речи отдельного индивида и ее функции в качестве средства коллективного общения. В фонологических концепциях Д. Джоунза центральными являются проблемы установления смысловозначительной функции фонемы и определения звука языка как предмета лингвистики. Экстремальность физического подхода заключается в том, что Д. Джоунз подобно американским лингвистам не разграничивал понятия звука и фонемы.

В целом, все существующие концепции внесли внушительный вклад в формирование

современной теории фонемы. Однако с точки зрения практической значимости наиболее привлекательным представляется материалистический подход Л.В. Щербы, поскольку неоспоримыми являются следующие утверждения: фонема – не звук, а кратчайшая звуковая единица, способная различать смысл. Фонема реализуется в речи в фонемических вариантах (аллофонах), лингвистическая природа фонемы напрямую связана с ее ролью в речевой деятельности. Фонема существует в речи всех членов общества независимо от желания индивида, следовательно, это социальное явление. Фонема автономна и независима от морфемы. Основная функция фонемы конституирующая (фонемы составляют слова и словосочетания). Существуют ограничения на использование определенного класса фонем в слове.

В заключение можно отметить, что поступательное развитие фонологической теории можно представить, как сложный процесс взаимодействия разных методов лингвистического исследования, как единство философских и лингвистических предпосылок, определяющих и объясняющих специфическую природу фонемы. Основные принципы определения состава фонем, общих законов и принципов, лежащих в основе фонологической структуры языка, являются результатом творческого обращения к теоретическому наследию прошлого, его анализа и собственного видения научных проблем.

Литература:

- Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания / Ф.М. Березин; под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973. – 504 с.
- Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР. – 1963. – Т. 1. – 391 с.
- Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Воронкова Г.В. Проблемы фонологии: монография / Г.В. Воронкова. – Л., 1981. – 136 с.
- Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику: учеб. пособие для студентов филологических специальностей ун-тов / Л.Н. Засорина. – М.: Высш. школа, 1974. – 319 с.
- Зубрицкая Е. Фонология / Е. Зубрицкая // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 168–174.
- Иванова, Л.П. Курс лекций по общему языкознанию: научное пособие / Л.П. Иванова. – К.: Освита Украины, 2006. – 312 с.
- Короткова М.Д. Характеристики фонем в лингвистическом наследии Д. Джоунза: на материале английского языка: автореф. дис. канд. филол. наук / М.Д. Короткова. – Саратов, 2002. – 215 с.
- Костеневич Е.В. Теоретическая фонетика// учебно-методическое пособие / Е.В. Костеневич, И.А. Кузьмичева, Н.С. Смирнова. – Архангельск: САФУ, 2014. – 108 с. – <http://biblioclub.ru> (дата обращения 25.01.2018).
- Нелюбин Л.Л. История науки о языке: учебник / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – 4-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 376 с.
- Парсиева Л.К. Фонологическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и Казанская Лингвистическая школа / Л.К. Парсиева, Л.Б. Гацалова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15113> (дата обращения: 15.01.2018).
- Салимова Р.М. Теоретический курс фонетики английского языка / Р.М. Салимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 53 с. Доступ возможен через Электронный читальный зал ЭБС БашГУ, режим доступа: URL:<https://bashedu.bibliotech.ru/Account/LogOn>. (дата обращения 20.01.2018)
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии: пер. с нем. / Н.С. Трубецкой; под ред. С.Д. Кацнельсон. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
- Collins, V. Practical phonetics and Phonology resource book for students / V. Collins, I.M. Mees. – 3rd ed. – Routledge Taylor and Francis Group, 2013. – 330 p.
- Jones, D. The Phoneme: its Nature and Use / D. Jones. – Cambridge, 1950. – 260 p.
- http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika (дата обращения 04.01.2018)

